

Предисловие редакторов-составителей

ФЕРНАНДО ВИДАЛЬ

Каталонский институт научных исследований и изучения перспективных областей науки (ICREA), Барселона, Испания; Научно-исследовательский центр медицинской антропологии университета Ровира и Вирхилий, Таррагона, Испания

ORCID: 0000-0002-2956-8607

Насколько нейронаука значима для наук о человеке?

doi: 10.22394/2074-0492-2020-2-8-12

8

Я пишу эти строки в то время, когда комендантский час, карантин и режим изоляции, введенные из-за пандемии COVID-19, почти везде начинают смягчаться. Находясь взаперти, многие ученые отрефлексируют, как пандемия влияет на индивида и общество, не ограничиваясь клиническими аспектами. Газеты активно способствовали распространению подобных комментариев. В статье под заголовком «Вот как ваш мозг заставляет вас верить в фейковые новости» каталонская ежедневная газета «La Vanguardia» сообщала, что склонность верить в подобные новости о коронавирусе объясняется так называемой предвзятостью подтверждения (confirmation bias), настраивающей нас считать истинными утверждения, которые соответствуют нашим убеждениям и сформировавшимся представлениям.

Фернандо Видаль — специалист по истории наук о человеке, медицинский антрополог, научный сотрудник Каталонского института научных исследований и изучения перспективных областей науки (ICREA) (г. Барселона, Испания), профессор Научно-исследовательского центра медицинской антропологии университета Ровира и Вирхилий (г. Таррагона, Испания). E-mail: fernando.vidal@icrea.cat

Fernando Vidal — historian of the human sciences, medical anthropologist. Research professor of the Catalan Institution for Research and Advanced Studies (ICREA) (Barcelona, Spain) and Professor at the Medical Anthropology Research Center, Rovira i Virgili University (Tarragona, Spain). E-mail: fernando.vidal@icrea.cat

Перевод с англ. Александра Долгова (ИНИОН РАН).

Нейроученый, у которого брали интервью, поясняет: причина такого поведения заключается в том, что, поскольку обучение «очень затратно для мозга», он склонен «верить» в факты, которые соответствуют тому, что он уже знает. Иными словами, ученый утверждает, что предвзятость принятия возникает из-за того, что «мозг ленив, он экономит энергию». Социальное подкрепление, которое происходит благодаря обмену фейковыми новостями, также способствует тому, чтобы мы продолжали их создавать. Это, добавляет эксперт, объясняется тем, что ощущение того, что нас ценят, «дает нам заряд дофамина, активирует ту же нейронную сеть в мозге, как если бы мы занимались сексом или принимали наркотик, получая от этого удовольствие». Хотя изложенные в статье факты установлены социальной психологией, авторитетность в их объяснении опирается на поверхностное использование нейронауки. Это типично для вселенной, где нанесение слоя «нейро», каким бы тонким он ни был, выглядит более легитимным и убедительным, чем любая другая форма объяснения.

В схожем стиле в статье престижной национальной испанской ежедневной газеты «El País» заявляется: «Одиночество активирует те же механизмы мозга, что и недостаток пищи». По итогам эксперимента, который провели в Массачусетском технологическом институте с целью понаблюдать с помощью нейровизуализации за мозгами людей, подвергшихся социальной и пищевой депривации, в статье объясняется, что «изоляция вызывает голод по социальным контактам». И это не в метафорическом смысле, поскольку «экстремальная степень социальной изоляции приводит к возникновению в мозге сигналов нейронального желания, таких же как при экстремальной степени голодания». Этот феномен согласуется с «интуитивной догадкой о том, что позитивные социальные взаимодействия — это основная человеческая потребность, а экстремальная степень одиночества — нежелательное состояние, которое побуждает людей заполнять возникающую пустоту как при чувстве голода». Помимо игнорирования того факта, что нейроны не могут испытывать желание, авторы рассматриваемого исследования полагают — если показать, что одни и те же нейронные сети в мозге задействованы при сильной потребности в сексе, еде или социальных контактах, то можно объяснить массовое использование коммуникационных технологий во время пандемического режима изоляции. И снова нейронаука претендует на объяснение социально и культурно сложных событий. Однако, как и в большинстве подобных исследований, «нейро» не более чем тавтологически утверждает очевидное: ведь никого не удивить тем, что испытываемые, «которые сильнее привыкли к одиночеству, сообщали о меньшем стремлении к социальным контактам после изоляции».

В дополнение к демонстрации того, что во время режима изоляции, введенного из-за COVID-19, наш мозг настраивает нас верить в фейковые новости и проявляет желание устанавливать социальные контакты, нейронаука (согласно другой статье в «El País») объясняет «опасное удовольствие от оскорбительных выкрикиваний с балконов», которые, к сожалению, можно было наблюдать в некоторых испанских городах. Причина этого в том, что «наказание других приносит мозгу удовлетворение». Функциональные магнитно-резонансные исследования показывают, что «альтруистическое наказание» (наказание незнакомца за несправедливое поведение по отношению к другому незнакомцу) повышает активность в центрах удовольствия мозга. Хотя в заголовке статьи придается особое значение объясняющей роли нейронауки, в самой статье «нейро» используется для примеси ненужного жаргона к данным, полученным в антропологии и социальной психологии. И опять нейронауке вменяется способность объяснить сложные социальные и культурные феномены.

10 Эти примеры (как и многие другие, которые можно было бы упомянуть) отражают, как с начала «Десятилетия мозга» в 1990-е вера в то, что, по сути, мы — это наши мозги и что наиболее фундаментальное объяснение феноменов, связанных с человеком, должно быть нейронаучным, была инкорпорирована в науки о человеке, которые при этом были низведены в подчиненную позицию в иерархии форм знаний. Современные теоретические рефлексии и эмпирические исследования о связи между науками о мозге и науками о культуре и обществе в целом (хотя зачастую имплицитно) сталкиваются с такими традиционными дихотомиями, как разум/тело и природа/культура, и пытаются их преодолеть. Но для выхода за рамки этих полярностей нередукционистским способом необходимо отказаться также и от традиционных эпистемических иерархий, которые ставят науки о жизни и науки о материи на «верховную позицию».

Начинания в этом русле оформились в призывы к сотрудничеству между нейронауками и науками о человеке. Благонамеренные идеалы двустороннего взаимодействия и междисциплинарности, а также часто декларируемая убежденность в том, что культура вписывается в мозг настолько, насколько им самим создается, способствовали возникновению ряда новых направлений. Неполный алфавитный список можно начать с нейроантропологии, нейроархеологии и нейроистории и завершить нейросоциологией и нейротеологией. Между ними можно найти нейромаркетинг, нейропедагогика, нейрополитика, нейроправоведение, нейропсихоанализ, нейроэкономика, нейроэстетика, нейроэтика и многое другое. Из этого списка можно исключить устаревшие обозначения,

например нейрофилософию, а также такие проекты, как «аффективная» или «культурная нейронаука», в которых отсутствует префикс «нейро», но которые представляют формы одной и той же сферы исследований.

Большинство этих направлений чрезвычайно продуктивны, а некоторые из них были институционализированы, профессионализированы и даже глобализированы с рекордной скоростью, наплодив в течение нескольких лет свои собственные журналы, пособия (handbooks), профессиональные сообщества и академические программы. Они воплощают феномен, известный как «нейроповорот» или «нейронаучный поворот» в науках о человеке и социальных науках. Франсиско Ортега и я посвятили изучению этого поворота часть нашей книги «Быть мозгом: становление церебрального субъекта» («Being brains: making the cerebral subject», 2017) и указали, что вышеупомянутые «нейронаправления» имеют ряд взаимосвязанных признаков:

- *постулат*, согласно которому, разум — это то, что делает мозг (и, следовательно, вся культура лучше всего интерпретируется как «результат» работы мозга);
- *цель* — установить нейробиологические «основания» или «субстраты»;
- *нейровизуализация*, особенно фМРТ, как их главный *инструмент исследования*;
- *корреляции между поведением и активностью мозга как их основной результат*;
- *утверждение*, согласно которому, «активация» областей мозга в процессе проявления интересующего поведения обнаруживает материальную основу этого поведения;
- *ориентация на каузальность*, выражающаяся в том, что корреляции, как правило, интерпретируются в терминах предполагаемых причин или по крайней мере необходимых условий;
- *несоответствие* между явно строгой методологией, ограниченным характером заявленных целей и раздутой интерпретацией результатов;
- *иррелевантность* — неспособность ответить на вопрос «и что?», адресованный их эмпирическим результатам;
- *самоуничтожающая динамика*, которая упускает из виду или концептуально разрушает свои предполагаемые объекты изучения (например, в нейроэстетике, когда «красота» редуцируется к активации систем удовольствия мозга);
- *онтологическая убежденность* в том, что демонстрация нейробиологических субстратов делает какой-либо феномен более реальным (например, в обсуждениях исследований фМРТ, показывающих, что психотерапия или медитация «работают»);

- *эпистемическая иерархия*, в которой нейробиологический подход стоит над другими формами исследования и знания, поскольку нейронаука полностью объясняет психологические, социальные и культурные феномены;
- *пренебрежение* концептами и результатами гуманитарных и социальных наук;
- и, наконец, не так часто встречающееся самоприписывание *спасительной роли* в выведении наук о человеке из их предполагаемых теоретических, эмпирических и методологических тупиков.

Пока эти признаки характеризуют вселенную новых нейронаправлений, которые возникли на стыке наук о мозге и наук о культуре и обществе, попытки сделать нейронауку релевантной для наук о человеке обречены на провал. Диалог между дисциплинами необходим для преодоления устоявшихся дихотомий (биология и история, природа и культура, рассудок и эмоции). Однако для налаживания эффективного диалога необходимо двигаться в двух направлениях. Для этого участвующие стороны должны отказаться от притязаний на эпистемическое превосходство и упразднить иерархию знаний, в которой «нейро» занимает верховную позицию. Эта задача все еще актуальна, и мы надеемся, что предлагаемый специальный выпуск «Социологии власти» может внести плодотворный вклад в ее решение.

12

Рекомендация для цитирования:

Видаль Ф. (2020) Насколько нейронаука значима для наук о человеке? *Социология власти*, 32 (2): 8-12.

For citations:

Vidal F. (2020) How Relevant Is Neuroscience for the Human Sciences? *Sociology of Power*, 32 (2): 8-12.

Поступило в редакцию: 26.06.2020; принято в печать: 28.06.2020

Received: 26.06.2020; Accepted for publication: 28.06.2020